

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России от 19.02.2010 г. журнал для ученых «Клио» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

ISSN 2070-9773

Подписка на журнал «Клио» осуществляется по каталогу «Роспечати». Индекс 14243
Резюме всех статей журнала «Клио» включены в International Bibliography of the Social Sciences (www.ibss.ac.uk)

Журнал «Клио» представлен в Научной электронной библиотеке (НЭБ), реализующей проект Министерства образования и науки РФ «Разработка системы статистического анализа российской науки на основе данных российского индекса научного цитирования (РИНЦ)»

К Л И О

Журнал для ученых

№ 10 (94)

К L I O

Journal for scientists

ИЗДАТЕЛЬСТВО
« ПОЛТОРАК »

2014

Главный редактор

С. Н. Полторац, доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия

А. И. Аврус, доктор исторических наук, профессор (Саратов)

А. П. Богданов, доктор исторических наук (Москва)

А. Ф. Бондаренко, доктор исторических наук (Москва)

Й. Бэкман, доктор общественно-политических наук, доцент (Хельсинки, Финляндия)

Ю. С. Васильев, академик РАН (Санкт-Петербург)

В. Н. Воронов, доктор исторических наук, профессор (Москва)

Б. Д. Гальперина, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Р. Ш. Ганелин, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

В. И. Голдин, доктор исторических наук, профессор (Архангельск)

А. Ю. Дворниченко, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Д. Дейли, доктор исторических наук, профессор (Чикаго, США)

М. В. Ежов, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

А. Н. Еремеева, доктор исторических наук, профессор (Краснодар)

С. С. Загребин, доктор исторических наук, профессор (Челябинск)

В. А. Золотарёв, доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор (Москва)

В. С. Измозик, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

(заместитель главного редактора)

С. Н. Иконникова, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург)

Г. М. Ипполитов, доктор исторических наук, профессор (Самара)

А. Кан, доктор исторических наук, профессор (Стокгольм, Швеция)

А. Н. Кашеваров, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

(ответственный секретарь)

С. Г. Кащенко, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

А. Ф. Киселев, доктор исторических наук, профессор (Москва)

Ф.-К. Кокен, доктор исторических наук, профессор (Париж, Франция)

Ш. Кройцбергер, доктор исторических наук, профессор (Потсдам, Германия)

И. В. Купцова, доктор исторических наук, профессор (Москва)

А. В. Лосик, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

(заместитель главного редактора)

С.Ю. Малышева, доктор исторических наук, профессор (Казань)

И. П. Медведев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Е. К. Минеева, доктор исторических наук, профессор (Чебоксары)

С. С. Минц, доктор исторических наук, профессор (Краснодар)

Г. В. Михеева, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Т. А. Невская, доктор исторических наук, профессор (Ставрополь)

В. В. Носков, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Е. Н. Носов, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

В. Н. Плешков, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

П. А. Подболотов, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

А. А. Попов, доктор исторических наук, профессор (Сыктывкар)

А. И. Репинецкий, доктор исторических наук, профессор (Самара)

О. А. Ржешевский, доктор исторических наук, профессор (Москва)

Ю. В. Рубцов, доктор исторических наук, профессор (Москва)

Е. И. Самарцева, доктор исторических наук, профессор (Тула)

Е. С. Сенявская, доктор исторических наук (Москва)

Г. В. Серебрянская, доктор исторических наук, профессор (Нижний Новгород)

Т. И. Сидненко, доктор исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)

Ю. Н. Солонин, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург)

В. Е. Триодин, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург)

А. А. Чернобаев, доктор исторических наук, профессор (Москва)

И. В. Яблочкина, доктор исторических наук, профессор (Москва)

Журнал основан и зарегистрирован 9 июля 1996 г.

Свидетельство о регистрации № П-2045. Выдано Северо-Западным региональным управлением Комитета Российской Федерации по печати (Санкт-Петербург)

Учредитель журнала С.Н. Полторац

Подписка на журнал «Клио» осуществляется по каталогу «Роспечать». Индекс 14243

Адрес редакции: Санкт-Петербург, Гражданский пр., д. 11, офис 300.

Тел.: (812) 534-28-28; (812) 335-31-00 (*4224)

Почтовый адрес редакции: 195220, Россия, Санкт-Петербург-220. ООО «Полторац». До востребования.

E-mail: nestorklio@mail.ru.;

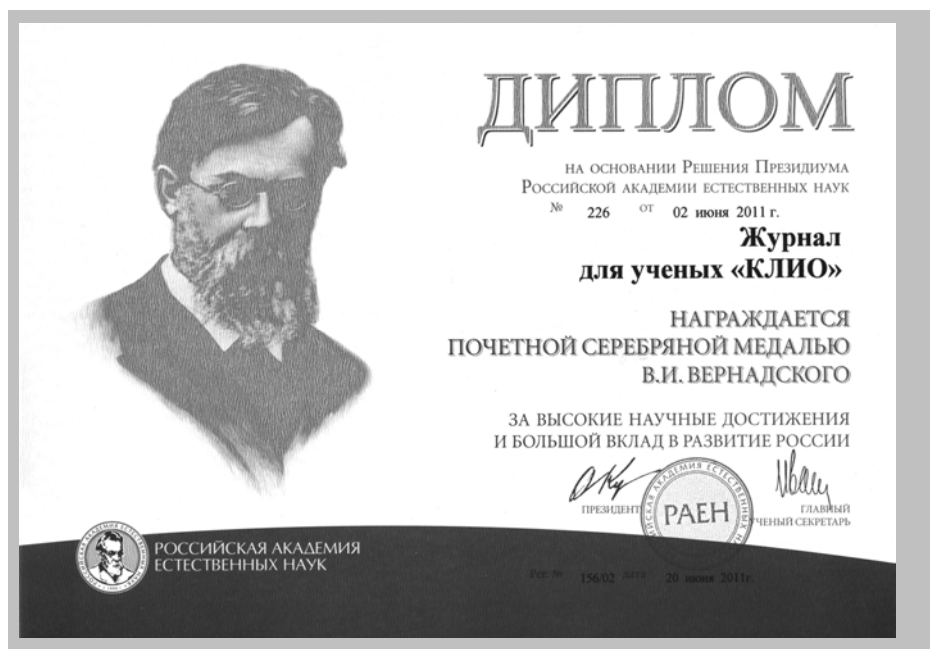
Официальный сайт: <http://clioscience.com/>. Электронный адрес научного периодического издания в Интернете: <http://elibrary.ru/issues/asp?id=2764>

ISSN 2070-9773

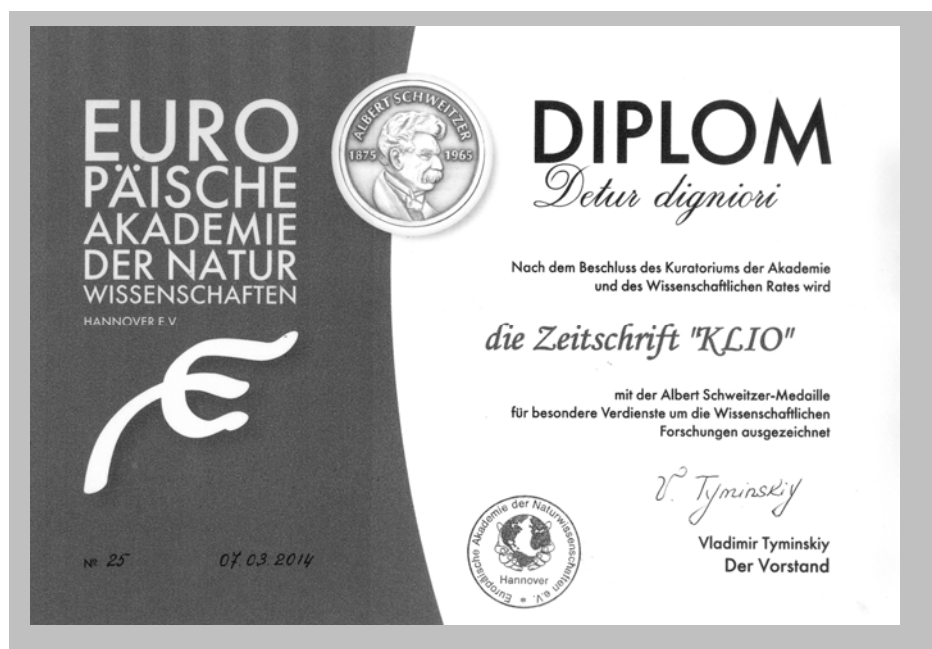
«Клио», 2014

Авторы публикаций, 2014

Перепечатка допускается с согласия редакции журнала. Ссылка на «Клио» обязательна

Решением президиума Российской академии естественных наук
№ 226 от 02.06.2011
журнал для ученых «Клио» награжден почетной серебряной медалью В.И. Вернадского
за высокие научные достижения и большой вклад в развитие России

Решением президиума Европейской академии естественных наук
(Europäische Akademie der Naturwissenschaften (in Hannover) e.V.) от 06.03.2014
журнал для ученых «Клио» награжден серебряной медалью им. Альберта Швейцера
за выдающийся вклад в содействие и развитие научных достижений.

Редакция журнала принимает к рассмотрению рукописи в одном экземпляре объемом до 1,5 печатного листа (электронная версия обязательна). Сноски располагать в конце текста в соответствии с библиографическими требованиями ГОСТа. С текстом статьи необходимо предоставлять аннотацию (200–250 слов), ключевые слова (5–6 слов), фотографию и один экземпляр внешнего отзыва заверенного печатью. Внешний отзыв рекомендуется отправить по почте России.

Сведения об авторе должны включать: фамилию, имя и отчество полностью; образование с указанием законченного учебного заведения; должность и место работы; ученую степень и звание; почтовый индекс, домашний адрес, телефон, E-mail.

В случае отсутствия у автора адреса электронной почты или номера телефона редакция журнала для ученых «Клио» указывает свои контакты и берет на себя ответственность за связь читателей с автором публикации.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Порядок рецензирования рукописей авторов, представленных в редакцию журнала для ученых «Клио»

1. Все поступающие статьи проходят предварительную экспертизу главного редактора журнала «Клио».
2. Главный редактор распределяет поступившие в редакцию материалы для углубленной экспертизы членами редколлегии. Статьи авторов передаются на экспертизу с учетом сферы научных интересов, исторической специальности авторов материалов и членов редколлегии.
3. По итогам экспертизы каждый член редколлегии представляет главному редактору письменное заключение объемом 1800–3000 печатных знаков.
4. В случае отрицательной рецензии ее текст отсылается автору с пожеланиями доработки или переработки текста статьи.
5. При положительной письменной рецензии члена редколлегии статья направляется для дополнительной экспертизы ко второму эксперту – специалисту по проблематике, исследуемой в статье.
6. В случае отрицательного письменного отзыва второго эксперта статья направляется автору на доработку или переработку.
7. В случае положительного отзыва второго эксперта статья выносится на обсуждение членов редколлегии, которые на своем заседании принимают окончательное решение о публикации.
8. Главный редактор журнала лично решает, в каком из номеров «Клио» будет опубликована статья, о чем редакция уведомляет автора.

Примечание:

Заседание членов редколлегии журнала для ученых «Клио» проводится 1 раз в 2 месяца. Дата заседания определяется по согласованию с членами редколлегии. Проезд иногородних членов редколлегии к месту проведения заседания и обратно оплачивается за счет редакции журнала.

Допускается заочное участие в заседании посредством общения в режиме on-line или посредством переписки по электронной почте.

**The editorial staff of «Klio» would appreciate cooperation with foreign partners interested in distribution of the magazine in their countries.
Please contact us by E-mail: poltorak2006@yandex.ru
<http://clioscience.com/>**

We are convinced that this magazine has an enormous potential which would make an interesting business for the cooperating partner regarding the sale of subscriptions as well as free sales.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Ростовцев Е.А., Андреева В.В.** (Санкт-Петербург). Петербургский университет 1905 г. в зеркале периодической печати 3
- Дорофеева А.П.** (Великий Новгород). Проблема взаимоотношений деревни и власти в крестьянских письмах в годы нэпа 15
- Раздина Н.В.** (Москва). Газета «Черная металлургия» («Индустрия») как источник для изучения промышленной политики государства в годы третьей пятилетки (контент-анализ редакционных статей) 18
- Потапова Н.В.** (Южно-Сахалинск). Региональная история на страницах отечественной конфессиональной прессы (на примере Сахалина) 26
- Хасянов О.Р.** (Ульяновск). Периодическая печать Куйбышевской и Ульяновской областей как источник по изучению повседневной жизни советского крестьянства послевоенного десятилетия 30
- Ясенева Е.В.** (Южно-Сахалинск). Источники по развитию исторического краеведения на советском Дальнем Востоке 20–30-х гг. XX в. 35

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Дворниченко А.Ю.** (Санкт-Петербург). Политогенез Киевской Руси в творчестве русских историков-эмигрантов 38

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Ушаков В.А.** (Санкт-Петербург). Политико-государственное устройство США: восприятие в российской империи 47
- Ниязов Н.С.** (Санкт-Петербург). Взаимодействие Азербайджанской Республики с Российской Федерацией в военно-технической сфере в 1994–2014 гг. 51
- Романова Е.Г.** (Санкт-Петербург). Религиозная организация Аум Синрикё в японской историографии (причины и последствия трагедии 1995 г.) 59

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Супрович С.В.** (Нижевартовск). Внешняя политика России первой половины 1690-х гг. в оценках М.М. Богословского 63
- Барыкина И.Е.** (Санкт-Петербург). Регулярные и экстраординарные органы в системе высшего государственного управления второй половины XIX в. 68

ИСТОРИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

- Мартыненко А.В., Надькин Т.Д.** (Саранск). Власть и конфессии на территории Мордовии в XX в.: от гонений к социальному партнерству 78
- Николашин В.П.** (Мичуринск). Формирование комитетов бедноты в черноземной деревне: начальный этап противостояния крестьянства и большевиков 84
- Кузнецов Д.А.** (Южно-Сахалинск). Охрана правопорядка и меры уголовно-правового воздействия на преступность на Северном Сахалине (1926–1930 гг.) 87
- Карпенко К.С.** (Ростов-на-Дону). Институты государственной власти России и шахтерское движение Ростовской области в 1992–1993 гг.: проекты модернизации углепромышленного комплекса 90

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

- Николаев П.П.** (Санкт-Петербург). Влияние СССР на политику КНР в отношении Республики Индия (1949–1962 гг.) .. 94

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Познахирев В.В.** (Санкт-Петербург). Русско-турецкое взаимодействие в деле защиты гуманитарных прав военнопленных в годы Первой мировой войны 99

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

- Смирнов В.Г.** (Санкт-Петербург). Поездка академика М.А. Рыкачева на международную метеорологическую конференцию в Париж (1896 г.) 102
- Акимов А.В.** (Москва). Монополистические объединения в трубной промышленности России в начале XX в. 111

HISTORIOGRAPHY/ ИСТОРИОГРАФИЯ

ANDREY J YURJEVICH DVORNICHENKO

Doctor of Historical Sciences
Professor
Head of Department of Russian History from ancient times to the 20th century
Saint Petersburg State University
E-mail: a.dvornichenko@spbu.ru

UDC 930 «18/19»:94(47) «10/14»

Politogenesis of the Kievan Rus in the Works of Russian Historians and Emigrants

The article reveals Russian historians and emigrants' attitude to origin and specific features of the Early Russian national identity. Failure to understand the political establishment essence within the period of Eastern Slavic history – the so-called Kievan Rus (9th– beginning of the 13th century) – prevents from understanding the history not just the Kievan Rus itself but further developed history of Russia, the Ukraine and Belarus. The purpose of this article is to incorporate the ideas stated by the emigrant historiography society into the general context of the development of Russian historiography which, unfortunately, have failed to be revealed through our historical literature. Within this sense the emigrant historiography has been a natural (however, more likely unnatural) continuation of all the achievements made in the “pre-revolutionary” time. It is commonly known that some European capitals – like Berlin, London, Paris, Sofia – became the centers of the Russian emigration and its scientific researches. Prague and Belgrade as prominent locations of the Russian science in exile hold their special places. Within the frame of complicated social and academic environment an active scientific work and discussions were in place, the fundamental problems of the national history construction were defined. For instance, it was an emigrant historiography that for the first time faced the task of the Early Russian heritage “distribution”. As shown in the article the so-called “democratic” concept developed by historiography of the second half of the 19th – early 20th centuries served as a basis of politogenesis approach of the emigrant historiography. The author indicates in particular a special role of the professors and graduates of the St. Petersburg (Petrograd) University who turned out to be in emigration to the study of the Early Russian politogenesis. That was unlikely historical or historiographical coincidence, more likely it demonstrates the potentials of scientific schools of St. Petersburg on the eve of tremendous disturbances of the early 20th century and the great “Russian exodus”.

Keywords: politogenesis, the Kievan Rus, Russian and Ukrainian historians and emigrants, historiography.

АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ ДВОРНИЧЕНКО

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до XX в. Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)
Тел.: (812) 328-94-48; E-mail: a.dvornichenko@spbu.ru

УДК 930 «18/19»:94(47) «10/14»

В статье рассмотрены взгляды российских историков-эмигрантов на проблему возникновения и особенностей древнерусской государственности. Без понимания сути политической организации в древнейший период восточнославянской истории – так называемой Киевской Руси (IX – начало XIII в.) – не понять не только самой этой Киевской Руси, но и последующей истории России, Украины и Белоруссии. Цель данной статьи – вставить идеи, высказанные эмигрантской историографией, в общий контекст развития российской историографии, что, к сожалению, не делается в нашей исторической литературе. В этом смысле эмигрантская историография стала естественным (или скорее протivoестественным) продолжением всех тех достижений, которые были сделаны в «дореволюционное» время. Как известно, центрами русской эмиграции и ее научных исследований стали европейские столицы – Берлин, Лондон, Париж, София. Особое место в этом ряду принадлежало Праге и Белграду, где сформировались крупнейшие центры российской науки в изгнании. В сложных социальных и академических условиях шла активная научная работа, дискуссии, ставились основополагающие проблемы конструирования национальной истории. Например, впервые именно в эмиграции историки встали перед задачей «дележа» древнерусского наследия. Как показано в статье, основу подхода к политогенезу в эмигрантской историографии составила так называемая «демократическая» концепция, разработанная в историографии второй половины XIX – начала XX в. Автор, в частности, отмечает ту огромную роль в изучении древнерусского политогенеза, которую сыграли преподаватели и выпускники Петербургского (Петроградского) университета, оказавшиеся в эмиграции. Вряд ли это было исторической или историографической случайностью, а скорее свидетельствует о силе петербургских научных школ накануне грандиозной смуты начала XX в. и великого «русского исхода».

Ключевые слова: политогенез, Киевская Русь, русские и украинские историки-эмигранты, историография.

Политогенез Киевской Руси в творчестве русских историков-эмигрантов*

Надо ли говорить о важности изучения древнерусского политогенеза? Впрочем, наверное, стоит напомнить, что это такое. Современная наука выделяет три значения этого термина: 1) становление государства; 2) становление и эволюция сложной (надлокальной) политической организации; 3) в самом широком смысле – становление и эволюция политической организации в человеческом обществе вообще [1]. Без понимания сути политической организации в древнейший период восточнославянской истории – так называемой Киевской Руси (IX – начало XIII в.) – не понять не только самой этой Киевской Руси, но и последующей истории России, Украины и Белоруссии.

Крайне важно изучать эту тему историографически, чем я уже довольно давно и занимаюсь [2–4 и др.]. Однако вне поля зрения осталась русская эмигрантская

историография, без знания которой создать целостную историографическую картину просто невозможно. Кстати, научных работ на эту тему досадно мало. Мне вспоминается глава в ценной, но незавершенной книге В.Т. Пашуто и авторская статья составителя сборника трудов российских эмигрантов в Югославии [5–7, см. также: 8]. Впрочем, данные работы только поставили тему, но мало повлияли на ее изучение.

Прежде чем говорить непосредственно об эмигрантской историографии, надо сказать хотя бы в нескольких словах, к чему пришла российская историческая наука ко времени «великого русского исхода». Ход русской историографии в изучении политогенеза хорошо уловил историк права И.А. Малиновский, значительное время служивший в Томском университете, а незадолго до смерти возглавлявший кафедру обычного права в Киевском университете [9]. В своей небольшой книжке, подводя своего рода итог изучения древнерусской государственности, он показал, что сначала (в XVIII – первой половине XIX в.) ученые изображали Киевскую Русь как монархию, потом поняли,

* Статья выполнена при поддержке РГНФ в рамках работ по проекту «Биографический словарь историков Петербургского университета (XVIII–XX вв.)», проект 12-01-00191

что это демократия [10]. Возобладала концепция, которую называли по-разному: земско-областническая, волостная и т.д. Я предлагаю для простоты называть ее «демократической», что, на мой взгляд, отражает суть дела: ведь главной идеей в этой концепции было главенство демократических институтов в Киевской Руси, в частности народного собрания (веча) [11; 12]. До 1917 г. эта концепция владела умами ученых, находя воплощение в монографиях, определяя содержание соответствующих разделов учебников.

Стоит добавить, что данная концепция очень плохо уживалась с представлением о существовании государства в Киевской Руси. Конечно, разброс мнений тут был весьма широк: от нелепых определений «родовое (племенное)» государство до полного отрицания существования государства в Киевской Руси или невозможности определить его в рамках научной терминологии.

Вот такие идеи российские историки и повезли с собой в изгнание. Центрами русской эмиграции, как известно, стали европейские столицы: Берлин, Лондон, Париж, София. Особое место принадлежало Праге, где правительство провело «русскую акцию» – «редкий случай, когда правительство одной страны “рекрутировало” тысячи иммигрантов другой национальности и брало их на казенное иждивение» [13]. Похоже, что еще благоприятнее была ситуация в Белграде, где королевская власть поддерживала русских, и они смогли хорошо прожить до самой войны. Во всяком случае, к концу 30-х гг. части русских пражан пришлось перебраться в столицу Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев. Ясно одно: русская эмиграция была одной из самых высококультурных за всю историю этого явления.

На новой родине русские ученые продолжали изучать те же вопросы, которые интересовали их и в России. Знаком русской эмиграции М. Раев пишет: «Большинство признанных историков-эмигрантов <...> имели свои приоритеты» и, за исключением чисто церковных авторов, лишь бегло касались эпохи Киевской Руси [14]. Я не могу с ним согласиться. Наоборот, «великий исход» обострил интерес к истокам и судьбам русской государственности, к «Руси изначальной». Хотя, например, евразийство, возникшее в Софии в 1921 г. и довольно быстро завоевавшее большую популярность в эмигрантской среде, не могло увеличить интерес к этой проблематике. Дело в том, что «одно из значительных достижений монгольского периода Г.В. Вернадский, Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, М.В. Шахматов и др. (евразийцы – А.Д.) видели в образовании государственности, по существу отрицая или снижая ее уровень в домонгольской Руси» [15]. О взглядах евразийцев на политогенез мне уже приходилось писать [16] и повторяться не хочется. Хотя о концепции Г.В. Вернадского все-таки кратко сказать надо. Дело в том, что среди евразийцев именно он был выдающимся исследователем русской истории.

В первом своем манифесте евразийства он старается вставить историю Киевской Руси в схему сменяющих друг друга глобальных евразийских государств. Славяне на протяжении нескольких веков (от конца IV до начала IX) расселились на обширной территории, но «не сумели, однако, при этом добиться своего собственного государственного образования», а вошли в состав государств, созданных аvarами и хазарами. Вместо государственного у них было племенное единство [17, с. 41]. Лишь захват Киева Олегом представляет собой окончательное утверждение Киевского государства, стержнем которого был путь «из варяг в греки».

Впрочем, Игорь умудрился растратить силы этого государства, и понадобилось мощное усилие Святослава, чтобы не только укрепить это государство, но создать «мимолетную Славяно-Русскую империю» [17, с. 45, 48, 15].

В общем, в этой работе историк весьма скептически оценивает государственный потенциал Киевской Руси. На короткое время Русь удалось объединить Владимиру и Ярославу, а затем она распалась на ряд отдельных княжеств и областей. Только крепкая государственность могла держаться на значительном пространстве в течение веков в Евразии. Славяне же дали совсем другой тип государственности – во многих княжествах утвердилась вечевая

форма правления. Как только государство с такой формой правления разрасталось, вече оказывалось неспособным приноровиться к новым условиям, и происходил распад. Такого рода народоправством был Новгород [17, с. 56, 20, 73]. Подобные идеи Г.В. Вернадский развивал и в других своих работах, увидевших свет уже в 30-е гг. [18, 19]

Историей древнерусского политогенеза интересовались далеко не только евразийцы. Знаменитый петербургский иранист М.И. Ростовцев осуществил в Лондоне новое издание своей книги. Причем дополнением к прежнему труду стала глава «Происхождение русского государства на Днепре». Этой теме были посвящен и ряд других его работ [20–22].

Иранист вводил корни государственности в седую древность. Он полагал, что славяне повторили движение германцев и сменили их в южной Руси, создали тут государство того же типа, унаследовав их города, торговые связи и самую культуру. Киевская Русь стала последним звеном в древней исторической цепи и первой для новой цепи развития. Это государство торговое, ориентированное на юг и восток, ее культура – отрасль классической культуры греко-восточного типа [23].

При всей красоте подобного рода образов, греющих некое патриотическое чувство, они не выдерживают тяжести научной критики, на что указал в своей рецензии А.Е. Пресняков. Он отметил, что М.И. Ростовцев сознательно подыскивает глубокую историко-археологическую базу для теории происхождения городской Руси в «доваряжское время» [24]. Сейчас к возражениям великого знатока киевского периода можно было бы добавить многое и из этногенетических построений...

Киевскую Русь М.И. Ростовцев трактовал как нечто особенное и оригинальное, причем в глаза ему бросался не только торговый ее характер, но и «...резкая разница между самоуправлением городов и примитивной племенной организацией остальной страны; контраст между доисторическим образом жизни населения страны и высоким стандартом цивилизованной жизни в городах и – последнее, но не по значению – не встречающаяся более комбинация иностранной военной власти и хорошо организованного самоуправления в границах одного и того же города-государства» [21, с. 165].

«Трагический патриот России» П.Б. Струве [См. о нем: 25], побывавший в свое время приват-доцентом и профессором Петербургского университета, в эмиграции задумывался о политическом строе Древней Руси. Он считал, что русская древность знает «два источника и фактора властвования и права: народ (вече) и князя». Их соотношение он отказывался сформулировать в юридически строгих терминах государственного права. Это были два «державных» начала – вечевое и княжое, которые согласовывались между собой «рядом» (договором). В борьбе этих двух «воль» попеременно то одна, то другая оказывалась сильнее. Хотя князь как «учреждение» был сильнее [26, с. 43–44].

По мнению П.Б. Струве, «с точки зрения государственной, Русь раннего средневековья от 862 до 1240 г. нельзя вообще охарактеризовать ни в каких точных правовых терминах, соответствующих не то что современному правосознанию, но и вообще юридической логике. Это было ни союзное государство, ни союз государств, ни единое государство какого-либо определенного типа. Это было сочетание некоторого множества земель-государств, притом разного устройства, с своеобразным, но очень прочным единством общей династии и несомненным духовным единством нации в языковом и церковном отношениях <...> На Руси существовало много земель-государств, но Русская земля не была государством» [26, с. 79].

Откуда возник такой строй? Из кардинального отличия древнерусской истории от западного феодализма. Собственность еще не оформилась, «сословия» основывались на обычном праве. Феодализм на Руси, по П.Б. Струве, не что иное, как плод «халатного словоупотребления и отсутствия ясных юридических представлений» [26, с. 60–61, 74]. На Руси отсутствовал главный признак феодализма: связь

между вещным правом на землю и обязанностью службы. Историк уверен, что «западный феодальный порядок был в корне отличен от порядка древнерусской вольной службы», сюзеренитета-вассалитета Русь не знала [27].

Отметим, что при этом мыслитель не находил в русской истории общину, считая вервь «территориальным союзом уголовной ответственности» [26, с. 70], а общинное землевладение – поздним продуктом сочетания земельного стеснения и государственного вмешательства [28].

В любом случае можно только восхититься глубине его мысли, когда, воспевая В.О. Ключевского, он писал, что для характеристики исторических процессов опасными оказываются такие обобщающие формулировки, как «феодализм» и «капитализм». «...Мы категорически отвергаем скороспелые обобщения, опирающиеся на злоупотребления этими несчастными “измами”» [26, с. 6].

Обращался к истории Киевской Руси и бывший преподаватель юридического факультета Петербургского университета М.В. Шахматов. «Наши летописи, – писал он, – изображая государственный строй Древней Руси земского периода, определенно свидетельствуют о распространности вечевых собраний на всей территории земли Русской. Они были органами народной власти во всех существовавших тогда землях-государствах, и право веча на соучастие в государственном правлении не подвергается сомнению со стороны большинства летописей» [29]. Исследователь старался буквально вжиться в идеологию летописцев, которые говорили о соборной «правде» и о «правде» княжеского единоначалия. Летописцы неустанно старались сочетать идеал правды с существовавшим тогда государственным строем, но он, по мнению историка-юриста, плохо сочетался с вечевым народовластием, разбиваясь о непрекращающееся соперничество городов между собой [30].

В фонде Г.В. Вернадского в Бахметевском архиве российской и восточно-европейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке (США) хранится программа курса лекций М.В. Шахматова по истории русского права Земского, Удельного и Московского периодов [31]. Судя по этой программе, ученый читал свой курс в рамках демократической теории политогенеза в России, посвящая отдельные занятия вече и видам вечевой деятельности, общинной организации городов и пригородов и т.д. Древнерускому народовластью вполне соответствовало и восприятие народом образа идеального князя, прежде всего такого, как Владимир Всеволодович Мономах, которому ученый посвятил доклад на заседании Русского исторического общества в Праге [32].

В таком ключе работали наши ученые-эмигранты: историки и юристы – не только в Праге, но и в Югославии. Сами темы их лекций свидетельствуют об интересе к вопросам политогенеза. В рамках деятельности Русского научного института в Белграде были прочитаны публичные лекции: «О книге Баумгартена “Тригвисон, норвежский король, и его отношение к Владимиру Святому”» – А. П. Доброклонским, «Возникновение государственного строя у восточных славян» – Д. М. Одинцом, «Новое освещение вопроса о начале русского государства» – А. В. Соловьевым, «Когда хазары приняли иудейскую веру?» и «Не Киевская Русь в IX–X вв.» – В. А. Мошиным, «Крещение Руси и разделение церквей» – Г. А. Острогорским, «Норманнский элемент в языке договора Игоря с греками», «Легенда об апостоле Андрее в России», «О происхождении имени “Русь”» – А.Л. Погодиным и др. А. В. Флоровский прочитал целый курс лекций в Белграде в 1929 г.: «Киевская Русь в связи с проблемой национального единства русского народа» [6, с. 114–115].

В. А. Мякотин, который в свое время был оставлен при Петербургском университете для научной работы под руководством В.И. Семева, касательно Киевской Руси, так же как и многие историки его поколения, оказывается в поле обаяния В.О. Ключевского, отдавая дань «торговой теории» возникновения городов и политической организации на Руси. Он писал об этом в известном курсе русской истории П.Н. Милюкова, Ш. Сеньбоса и Л. Эйзенмана

[33]. При этом он уже больше упирал на охоту и земледелие и на общинный быт древних славян, воспринимая вервь как семейную общину. Историк обращал внимание на наличие в социальной структуре Киевской Руси массы свободных людей, на роль горожан, населявших города – центры торговли. Руководящим классом были «полукупцы-полувоины», во главе которых был князь – защитник торговых интересов.

Русь XI–XII вв. трактовалась как семейная федерация автономных правителей. При этом князь «не может руководить обществом без веча или вопреки ему, как не может делать это без думы и дружины»; при многообразии вариантов власти постоянно сосуществование этих двух начал – веча и князя – и договорных взаимоотношений между ними [33, с. 85–86, 106, 90–91, 103–105]. Общинная трактовка Киевской Руси в устах В.А. Мякотина не вызывает удивления, так как общине он отводил огромную роль и в последующей истории [34].

Сам П.Н. Милюков в своем юбилейном издании «Очерков по истории русской культуры» настолько увлекся проблемой славянской колонизации необозримых пространств Евразии, что позабыл о политическом развитии Киевской Руси, а может быть, не придавал ему значения. Он лишь с опорой на известную работу П.П. Смирнова (тогда киевского историка) упоминает о норманнском «каганате» на Волге [35].

Александр Эрк был приглашен самим А. Пиренном занять кафедру русской истории в Гентском университете. Так демократическая теория, как мы условились ее называть, оказалась в Бельгии. Его солидная книга целиком посвящена средневековой Руси. Он начинает с тех же варяжских колоний, отдавая дань варягам как организаторам военной и политической жизни [36, с. 6]. Для более позднего периода он ярко и самостоятельно рисует социально-политическое устройство Киевской Руси в рамках демократической концепции. Ему, правда, трудно подобрать смысловые эквиваленты на французском языке, и посадник оказывается *bourgmestre*, тысяцкий – *chef de la milice*. Но все это покрывается вечем, у которого обширные прерогативы. Князь, чьи функции в основном находились в военной сфере, вынужден заключать договор с вечем, а вече может его изгнать и даже умертвить (как было с Игорем Олеговичем в 1147 г.). Жители пригородов участвуют в вече.

По А. Эрку, демократия сыграла свою роль в падении Киевской Руси. Веча вмешивались в дела наследования княжеских столов, завязывались войны. А тут еще и упадок торговли [36, с. 12–13, 22–24] ...

Судьба историка права Д.М. Одица своеобразна даже на фоне бурной эпохи. Бывший приват-доцент Петербургского университета, он славно потрудился в эмиграции, где оказался в 20-е гг., но после Второй мировой войны был интернирован в советскую зону оккупации. Он остался жив и оказался в числе преподавателей Казанского университета. Здесь в рукописном отделе Библиотеки им. Н.И. Лобачевского хранится его архив.

В своей работе, изданной в Белграде, он писал, что «право Киевской Руси создавалось параллельными и притом конкурирующими друг с другом силами, стремившимися каждая по-своему регулировать одни и те же отношения. Наша старина знала три главных правовых струи: право церковное, право княжеское и право земское». Причем преобладание того или иного права зависело от обстоятельств. Если князь приглашался «на всей воли», то преобладали нормы земского права, а если нет – то «княжеское» [37].

Оригинальна концепция древнерусского политогенеза в его книге, изданной в Париже. Историк полагает, что летописец, говоря о призвании варягов и о роли первых князей в создании государства, излагает княжеско-дружинную версию, которую, однако, не может провести до конца [38, с. 10–26]. Если ввести в эту версию соответствующие поправки, опирая их еще и на науку, то получается такая картина. Первая попытка создания примитивной организации связана с антским союзом, а затем у славян возникают

городовые волости. Еще в доваряжскую эпоху крупные города успели стать властными центрами отдельных волостей. В создании таких волостей немалую роль сыграла та культурная почва, которая возникла в Восточной Европе со времен скифов и древнегреческих городов-государств [38, с. 81–106, 112].

Варяги же создали лишь разбойничье государство – тот самый каганат Бертинских анналов. Место существования каганата (Поволжье) стало и местом смешения славян и скандинавов-русов. Правда, каганат довольно быстро распался, но оставались еще варяжские колонии, из которых началось «оваряживание» славянских городских областей. Это на первом этапе привело к регрессу, так как у новой варяжской династии на уме были только дани и набеги, а никак не «объединение земель» [38, с. 171, 175–176].

Заканчивая свою работу, историк права пишет, что более подробно вопросы древнерусской государственности он рассматривает в работе под красноречивым названием: «Князь и земля в Древней Руси». Насколько я знаю, эта работа сохранилась в его архивном фонде.

Выпускник Варшавского университета А.В. Соловьев [См. о нем: 5, с. 322–233] подходит к проблеме древнерусской государственности со стороны национального сознания. Он уверен, что русское государство создавалось из славянских племен, раскинутых на широком пространстве и объединенных властью княжеского рода варягов-руси и его дружины. Конечно, «национального единства» тогда не могло быть, так как слишком велико было различие во всем между этими этническими группами [39]. Да и понятие «Русской земли» было еще очень неопределенным: «неугомонные варяги еще не осели окончательно»¹.

Лишь Владимир «положил твердое начало Русскому государству и русской национальности». Исчезают племенные названия. Уже создается единая Русь и создается как единое целое. Отныне и Новгород, и Киев – единая «Русская земля», которая делится на волости, на города с их областями. Начавшаяся вражда между князьями не разрушает единства, и только после смерти Мстислава (1132 г.) «запутанность родовых счетов, многочисленность княжеского рода, разобщенность областей, переходящих к земледелию, создают усобицы и разрушают единство власти». Начинают выделяться новые области, которые именуют себя уже не волостями, а землями. Правда, это не значит, что Новгород или Суздаль не сознавали себя Русью. «Эти выражения отмечают только разделение власти, но не разделение народа», – с удовлетворением констатирует историк и приводит подобные же примеры из истории новой Родины – Сербии. К концу XIII в. государственное единство все слабеет, слабеет и Киев [39, с. 276–279, 281].

В.А. Мошин учился в свое время в Петербургском университете, где и впитал в себя представления о Древней Руси [41]. Он считал, что первые основы государственности среди восточных славян в южной России положила Хазария [42]. Однако, видимо, по той причине, что сведения здесь остаются очень туманными, он делает ставку на более надежных варягов. Проникая по рекам в глубь Восточно-Европейской равнины, они создавали свои крепости-фактории, которые могли исчезать, а могли и превращаться в центры самостоятельных областей. Затем идет процесс постепенного объединения этих независимых варяжских центров в большие области – варяжские княжества. Одно из таких образований возникло на территории Тамани. В конце концов, на протяжении IX–X вв. эти княжества объединились в Русское Новгородско-Киевское государство [42].

Историк считает, что «главное значение варягов в истории России состояло» в следующем. Во-первых: они дали толчок к образованию древнерусского государства, выполнив внешне объединение разбросанных славянских племен. Во-вторых, своими военными и торговыми походами сблизил славян с Византией, содействовали

¹ Впрочем, в другой работе он пишет, что название «Русская земля», которое в X–XII вв. было «обычным для нашей родины», обнимало все ее огромное пространство [40].

распространению христианства, чем создали почву для подготовки внутреннего объединения русской земли. В-третьих, передали восточным славянам имя «русь» [43, с. 44]. Правда, рассуждения его о варяжской колонизации повисают в воздухе, уж очень быстро слились они с местным населением. Тем более что не изучен и вопрос о славянской колонизации [43, с. 45].

Как подметила Е.А. Бондарева, если мысль В.А. Мошина устремлялась к югу, то мысль его учителя – А.Л. Погодина – искала истоки русского государства на севере [6, с. 120]. Профессор Варшавского и Харьковского университетов еще до эмиграции много занимался проблемами славянского этногенеза [44]. И теперь ему рисовались «... два мира: северный и южный, между которыми общение было слабо. Север России, т.е. области, примыкающие к Волхову, Ладожскому озеру и далее на восток, к Ростову и Волге, тянулись на восток, который имел связи с персами и арабами. Именно этот север и совершил то, что мы называем «призванием варягов»» [45].

Язычники-варяги создавали свои опорные пункты вдоль торговых путей и этим намечали будущее государство. Но и «новгородские славяне вовсе не являлись темной безгосударственной массой». Просто они попали в такие условия, в такие «затруднения по части связи с варягами, чужью, мерею», что не было другого пути «как признать объединяющее начало варягов и строить общую государственность» [46].

К словутому «острову руссов» историк относился скептически. Он называет эту проблему «квадратурой круга русских древностей» и сожалеет, что о «русском острове сболтнул кто-то из арабов, породив этим целую литературу» [47].

Варяги навсегда очаровали и М. А. Таубе – бывшего профессора Петербургского университета, специалиста по международному праву и его истории. В своей известной работе «Рим и Россия перед татарским нашествием» он рисовал следующую картину. Дружинник шведского короля Олафа – Аскольд – освободил полян от владычества хазар и создал варяго-русское государство. При этом местные князья: Рюрик в Новгороде, Аскольд в Киеве – были посажены своими сюзеренами – королем Эриком из Упсалы и королем Олафом из Бирки [48, см. также: 49]. Другими словами, и новгородское, и киевское «государства» были созданы шведскими королями.

Дать определение древнерусскому государству пытался юрист Ф.В. Тарановский, очень недолго успевший побыть ординарным профессором Петербургского университета. Он считал, что русская монархическая государственность «по своему своему историческому развитию» вполне укладывается в рамки политической эволюции европейской культуры. Ее первой стадией была «монархия первобытного народного государства (*Volksstaat*)» [50]. При этом картина политического быта ему рисовалась вполне в духе традиционной русской историографии: князь – военный предводитель, «нарядник»; участие народа в политической жизни посредством веча главного города; и федеративный союз земель, который скреплялся (русы не создали одного государства, а образовали множество государств) [51, см. также: 52]. В других работах он писал о том, что в Древней Руси рядом с княжеским управлением в «тесном смысле слова» было и земское управление, которое вело свое происхождение от княжеских, доваряжских времен» [52, с. 25].

Такое восприятие древнерусской истории вполне соответствовало прежним воззрениям исследователя. Будучи экстраординарным профессором по кафедре русского права в Императорском Юрьевском университете, он написал рецензию на очередное издание сочинения В.И. Сергеевича. Здесь он говорил о свободном населении русских земель, утверждая, что «старая концепция Древней Руси как единого государства Российского похоронена окончательно» [53]. Одним из первых он поддержал идеи Н.П. Павлова-Сильванского, но также начинал феодализм после Киевской Руси [54]. Историк-юрист боролся с норманнским засильем, считая, что это мешает изучению славянского права [55].

Важной страницей российской историографии стало творчество бывшего преподавателя Петербургского и Юрьевского университетов, ученого корреспондента императорской Академии наук в Италии Е.Ф. Шмурло [См. о нем: 56]. Уже в 20-е гг. вышел его учебник [57], а в конце жизни он работал над выдающимся «Курсом русской истории». Правда, весь он при его жизни выйти в свет не успел... Для нашей темы важен первый том [58]. Первым обширным трудом по русской истории Е.Ф. Шмурло обязана и Италия [59, См.: 60].

Историк приводит обширнейшую историографию проблем¹. Сам он исходит из очень важных теоретических установок. Е.Ф. Шмурло считает, что нельзя противопоставлять историю общества истории государства, хотя бы потому, что «Государство и Общество, живущее государственным бытом, по существу одно и то же». При этом государство не появляется на свет готовым. Оно растет, и на это ему нужны целые столетия. Первоначально имеются лишь элементы государства. Само общество еще долгое время не сознает, что уже стало существовать государство, а пока это осознание не пришло, нельзя говорить о том, что государство образовалось и существует как таковое.

По мнению историка, на такое развитие государства в России ушло первых шесть веков (862–1462). В это время есть только два элемента: территория и народ – «простые людские группы в неустойчивых территориальных пределах». Лишь спустя много времени нарождается третий элемент – невидимый, неосознаваемый, но вполне реальный – суверенитет народа. С его рождением совершается великое химическое чудо: все три элемента претворяются в одно сложное тело – государство. Происходит это в середине XVI в. [58, с. 12–13]

Рассматривая «начатки» русского государства, он выделяет три ступени быта:

- патриархальный быт, иначе родовой, когда семья поглощена родом;
- задружный быт;
- общинный быт, когда из задруги окончательно формируется семья. Союз семей составляет территориальную общину. Разрастающаяся община формирует волость, а союз волостей – жупу, племя с жупаном во главе [58, с. 65–67].

Варяги выступают на Руси в роли своего рода фермента, который скрепляет разрозненные племена. Они также дают стране свое имя «Русь» [58, с. 73–76. См. также: 57, с. 41–43]. Хотя насилие и было, но это не было завоевание. Центр русской жизни вскоре оказался не в Новгороде, а в Киеве, благодаря его выгодному положению на оживленном торговом пути.

Характеризуя «Киевский период (1054–1169)», Е.Ф. Шмурло констатирует смену племенной жизни областной. Он видит взаимодействие двух сил: населения и княжеской семьи, князя и веча. «Княжение» – территория, управляемая данным князем. «Земля» – это территория, на которой живет свое население. «Земля» при этом имеет свое средоточие в «Городе», причем «Земля» и «Город» – тождественны. «Земля» не потому, что там князь, а наоборот – само «княжение» могло быть только там, где была «Земля».

«Волость» – территория, состоящая под властью «Города-Земли» или князя, своего рода придаток к «Городу-Земле» или «княжению», подобно земле этрусков. Хозяином, государем «Земли», была сама земля, а не князь. При этом отсутствие ясного рубежа в определении взаимных отношений составляет характерную черту древней славянской жизни, а русской в особенности.

Помимо веча и князя, был еще один элемент управления – княжеская дума, которая была делом обычая, а не законным учреждением. Древнерусскую политическую систему Н.М. Карамзин сравнивал с темным лесом. По мнению Е.Ф. Шмурло, и в наше время «лес этот все еще ждет полной расчистки» [58, с. 104–109, 110, 116].

¹ Историографическим сюжетам посвящены отдельные главы в приложении.

В «Суздальско-Волынский период (1169–1242)» центробежные силы берут перевес, идея областной отдельности все больше поднимает голову. Среди князей отчина подавила идею лестницы, образуются вотчинные уделы. Новгород идет своей дорогой. Если повсюду в русских землях князь и вече (население) действуют рука об руку, то в Новгороде – князь неизбежное зло. Общерусская основа вече здесь резче подчеркивается и глубже проведена в жизнь. Здесь «самодержавие Новгородской земли» [58, с. 131–138, 144–147].

За рубежом русским эмигрантам разных «волн» пришлось делить Киевскую Русь (независимо от того, считать ее государством или нет) с украинцами, белорусами и евреями. Идеи о «Киевской украинской державе», заложенные М.С. Грушевским, получили развитие в трудах историков Западной Украины². Как отмечал знаток западной историографии В.П. Шушарин, многие авторы пропагандировали идею об украинской принадлежности Киевской Руси [61]. Характерна точка зрения Илько Борщака, который писал, что «...история домонгольской Руси полностью входит в историю Украины и частично – в историю России» [Цит. по: 61, с. 217].

Причем в концепциях украинских историков ярко проявлялась все та же демократическая теория в разных видах, что не вызывает удивления, поскольку все ведь возросло на одной историографической почве.

Один из виднейших украинских историков – Д.И. Дорошенко – рисовал уже привычную картину со своими модификациями. Славяне имели свою «власну державну» организацию во главе со своими князьями. Но варяги их сместили и основали единую династию. Он считал, что вече было старше князя, но во времена Владимира и Ярослава централизация была сильна и вече оставалось в тени. По мере ослабления централизации вече снова вышло на политическую арену. Каждая земля являла собой общину, которая заключала договор с князем. Однако, выбрав князя, община уже не вмешивалась в дела управления [62].

Похожая концепция излагалась в известном двухтомном труде под эгидой И.П. Крипякевича³. В «княжой Украине» вече не развилось в установленное законом парламентское установление. На практике сила и влияние веча росли по мере ослабления княжеской власти [63]. А.И. Яковлев полагал, что в устройстве «Киевской державы» встретились принципы давнего народоправства с новым княжеско-дружинным порядком. Это и определило гармоничный характер управления, базировавшийся на вече, князе и княжеской «раде» [64].

В своем курсе украинской истории, который создавался на протяжении 20–30-х гг., И.П. Крипякевич попытался объединить демократическую теорию с украинской «великодержавностью». В каждом звене цепочки украинских «держав» (от антов до Киевской державы) воплощалась демократическая форма правления [65].

Другой крупный украинский историк – Н.Д. Чубатый – представлял себе Древнюю Русь состоящей из земель-волостей. Это вид федерации под руководством киевского князя. Князь заключает договор с народом [66, см. также: 67]. Федерацию, правда, с несколько иной ролью веча, князя и других политических институтов, наблюдал на Руси и Е. Терлецкий [68].

Несколько иная точка зрения была у С. Томашевского. Он полагал, что главной особенностью политической жизни на Руси (как и в Венгрии, Польше, Чехии) был сеньорат – право старшего в основном институте власти – княжеском роде. Но на Руси этот принцип имел злейшего врага – «плодочность» княжеского рода. А это, в свою очередь, довольно быстро превратило сеньорат в междоусобный хаос, после чего Русская Земля утратила право называться державой [69].

² Галиция после 1918 г. вошла в состав восстановленного польского государства. Украинские историки публиковали свои труды не только в западноукраинских городах, но и в Варшаве. Потом они переиздавали их в Германии и за океаном.

³ И.П. Крипякевич, конечно, не был эмигрантом, но для полноты картины я решил вспомнить и его.

Меньшими силами, но тоже активно проявляли интерес к Киевской Руси белорусские националисты (Н. Вэкар, Р. Островский). Не сидели сложа руки и русские. Князь С.М. Волконский, сражаясь с украинскими националистами, горячился и именовал Киевскую Русь – Россией. Более сдержанно и научно это делал Ф.В. Тарановский [61, с. 217–218]. Еще острее это противоборство развернулось после Второй мировой войны.

Интересно в этом смысле сочинение Н.Д. Полонской-Василенко. Она работала в довоенном, а потом в оккупированном Киеве и эмигрировала после победы СССР в войне. В Мюнхене она написала обстоятельную историю Украины [70]. Исследовательница охотно цитирует советских историков. Уже у антов и волянян она видит первые попытки сотворения державы. Название «Русь» местного происхождения, южного. В середине IX в. она находит «могущественную державную организацию» – Русскую державу Аскольда и Дира. Потом возникла еще одна «незалежна держава» на севере, а затем они объединились. А уж Владимир Старый создал колоссальную державу [71]!

Под такой схемой мог бы в ту пору подписаться любой советский историк. Если бы не одно «но»: все эти «державы» исследовательница связывала с украинцами и Украиной. К сожалению, после расцвета «держав» наступил их «занепад», причин которого «було багато». Зато на смену этим «державам» новое мощное государство создал, опираясь на среднее сословие мещан, «правитель нового типа» – князь Роман Галицкий [71, с. 179–183, 193]¹. Тут оставалось добавить только Гетманщину XVIII в. и Центральную Раду XX-го – и основа нынешней украинской государственности была готова.

Н.Д. Полонская-Василенко была так увлечена, что не обращала внимания на некоторые несообразности в своей схеме политического устройства Киевской Руси. Так, с одной стороны, она воспроизводит идею М.Ф. Владимирского-Буданова о трех властях в Киевской Руси (князь, боярская рада, народное вече), о земском войске (воях), с другой, пишет о вече как об органе боярства, городского купечества, патрициата [71, с. 214–219].

Впрочем, на фоне вождя «самостийного» государства все это мелочи... В ее сочинении здравые наблюдения «дореволюционных» историков смешиваются с советским великодержавным подходом, но с поправкой на украинскую идею.

Еврейские авторы также желали получить свой гешефт в этой достаточно непростой для понимания истории. Особую активность развил бывший профессор-гебраист Петербургского университета Ю.Д. Бруцкус. В его работах появились идеи, которых не было в предшествующей традиции². Хазаря представляется ему огромным государством, а хазары оказывали большое влияние на славян, «культурно подготавливали их к государственной жизни». Хазары, собственно, основали Киев [73; 74]. Не только управление, армия и законы славян были основаны на хазарской традиции, но даже и религия, земледелие, ремесла и искусства. Обращаясь к проблеме «племени Русь», другой еврейский автор – Г.М. Барац – собрал доказательств в пользу его еврейского происхождения [75]. Стоит отметить, что эти идеи уже довольно скоро были подхвачены американской историографией [76].

Уже упоминавшийся Г.В. Вернадский в 1927 г. переехал в США и здесь внес огромный вклад в историографию,

¹ Идея о «Галицкой державе» получила широкое хождение в эмигрантской историографии.

² Известный автор учебников «для еврейских училищ и общих учебных заведений» С.М. Дубнов писал лишь о борьбе хазар с восточными славянами [72].

создав крупные труды по русской истории. Г.В. Вернадский и ряд других русских историков оказали мощное влияние на американскую русистику, которая в XX в. была самой сильной историографической ветвью в области изучения русской истории за пределами России. Впрочем, данное влияние (которое американцы зачастую отрицают [77]), как и само творчество Г.В. Вернадского, должно быть темой отдельного исследования, явно не укладывающаяся в рамки данной статьи.

Надо отметить столь же сильное влияние российской эмигрантской историографии и на германский «остфоршунг». После войны в изучение истории Киевской Руси включился целый отряд исследователей, которых в СССР ласково называли «остфоршерами, реваншистами и псевдоисториками». «Ничто на свете не пропадает. Наблюдательные представители западногерманской неофашистской историографии быстро поняли, чем им можно поживиться от эмигрантского пирога», – очень точно, но в духе риторики того времени писал В.Т. Пашуто [5, с. 109]. Теперь приходится несколько изменить ракурс видения проблемы. Получается так, что «остфоршеры» развивали противоположное направление досоветской историографии в противовес схоластическому советскому. Однако не стоит и преувеличивать влияния русских историков-эмигрантов на немецких историков, которые имели свою традицию изучения Древней Руси. Западногерманская историография стала своего рода феноменом мировой русистики. Подхватив эстафету русской эмигрантской историографии и опираясь на собственные уже имеющиеся традиции, германские ученые внесли очень серьезный вклад в изучение древнерусского политогенеза.

В работах М. Хеллманна, Г. Штекля, О. Бруннера, Х. Рюса и др. демократическая концепция получила как бы второе дыхание и позволяла освещать историю Киевской Руси гораздо более адекватно, чем это делалось советской исторической наукой. Меньшее влияние «дореволюционная» российская наука оказала на английскую историографию, может быть, потому, что русских историков-эмигрантов здесь было мало. Хотя и в Англии нельзя сбрасывать со счетов воздействие русской науки.

Подводя итог, хочу напомнить читателю, что целью данной статьи было вставить идеи, высказанные эмигрантской историографией, в общий контекст развития российской историографии, что, к сожалению, не делается в нашей исторической литературе. В этом смысле эмигрантская историография стала естественным (нет, скорее противоестественным) продолжением всех тех достижений, которые были сделаны в «дореволюционное» время. В данном случае это демократическая теория древнерусского политогенеза.

Нельзя также не отметить, что впервые именно в эмиграции историки встали перед проблемой «дележа» древнерусского наследия. Волна национализма, поднявшаяся в смуту начала XX в., актуализировала проблему, которую мало замечали во времена Российской империи. К сожалению, это было начало трагедийного пути: дележ развернулся с большей силой после падения советской «империи».

Как человек, вся жизнь которого связана с Санкт-Петербургом (Ленинградским) университетом, не могу не отметить ту огромную роль в изучении древнерусского политогенеза, которую сыграли преподаватели и выпускники этого учебного заведения, оказавшиеся в эмиграции. Вряд ли это было исторической или историографической случайностью, а скорее свидетельствует о силе петербургских научных школ накануне грандиозной смуты начала XX в. и великого «русского исхода».

Литература и источники

1. Крадин Н.Н. Политическая антропология. Учебное пособие. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2001. С. 211.
2. Дворниченко А.Ю. «Государство Киевская Русь» как историографический феномен // Ранние формы политических систем. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 235–278.
3. Дворниченко А.Ю. А.Е. Пресняков – исследователь Киевской Руси // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Юрия Георгиевича Алексея. Альянс; Архео; М.; СПб., 2006. С. 35–46.
4. Дворниченко А.Ю. Представители «официальной» историографии о политогенезе в Киевской Руси // История России: экономика, политика, человек: К 80-летию доктора исторических наук, профессора, академика РАН Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2011. С. 29–38.
5. Пашуто В.Т. Русские историки эмигранты в Европе. М.: Наука, 1991. С. 104–113.
6. Pax Rossica. Русская государственность в трудах историков зарубежья / Авт.-сост. Е.А. Бондарева. М.: Вече, 2012. С. 81–166.
7. Бондарева Е.А. «Pax Rossica», или Концепция русской истории в работах ученых белградского круга // Сборник Русского исторического общества. Т. 11 (159): Правда истории М.: Русская панорама, АНО «Русское историческое общество», 2011. С. 325–341.
8. Пузанов В.В. Образование Древнерусского государств в восточноевропейской историографии: учебное пособие. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. С. 97–99.
9. Малиновский Иоаннийкий Алексеевич // Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. I (1888–1917). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1996. С. 161–165.
10. Малиновский О. Староданий державний лад східніх слов'ян і його пізніші зміни. Нариси з історії права. К.: З друкарні Всеукраїнської Академії Наук, 1929. С. 32–35.
11. Фроянов И.Я. Киевская Русь, Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980.
12. Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988.
13. Пушкарев С.Г. Воспоминания историка. 1905–1945. М.: Посев, 1999. С. 89.
14. Раев М. Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции. 1919–1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. С. 215.
15. Вандалковская М.Г. Историческая наука: «евразийский соблазн». М.: Памятники исторической мысли, 1997. С. 115.
16. Дворниченко А.Ю. Евразийцы, Л.Н. Гумилев и проблема древнерусского государства // Вестник С.-Петербургского университета. Спец. выпуск: К 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилева. 2012. Октябрь. С. 108–119.
17. Вернадский Г. Начертание русской истории. М.: Алгоритм, 2008 (первое издание – Прага, 1927).
18. Vernadsky G. A History of Russia. The Blakiston Company. Philadelphia, 1944. Первое американское издание – 1929 г. На русском языке издано в 1997 г. по 6-му изданию 1969 г.).
19. Вернадский Г.В. Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры. М., 2005. Впервые опубликовано в 1934 г.
20. Rostovtzeff M.I. Les origines de la Russie Kievienne // Revue des études slaves. Т. 2. Paris. 1922. P. 5–18.
21. Rostovtzeff M.I. The Origin of the Russian State on the Dnieper // Annual Report of the American Historical Association for the year 1920. Washington, 1925.
22. Ростовцев М.И. Происхождение Киевской Руси // Современные записки. Т.3. Париж, 1922. С. 142–144.
23. Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, Clarendon Press, 1922¹.
24. Пресняков А.Е. Рец. [Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, Clarendon Press, 1922] // «Века». Исторический сб. I. Пг.: Наука и Школа, 1924. С. 177.
25. Ананьев О.В. Петр Бернгардович Струве: жизнь, борьба, творчество. СПб., 2006.
26. Струве П.Б. Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности. Париж, 1952.
27. Струве П.Б. Наблюдения и исследования из области хозяйственной жизни и права Древней Руси. I. Существовал ли в древней Руси феодальный правопорядок // Сборник Русского института в Праге. Прага, 1929. Вып.1. С. 399.
28. Струве П.Б. Чем были первоначально русские крестьяне и откуда наименование крестьянина? // Труды 4-го съезда русских академических организаций за границей. Ч. 1. Белград, 1929. С. 134.
29. Шахматов М.В. Опыты по истории древнерусских политических идей. Начало соборности. Прага, 1927 (гектографированное издание). Т. I. Кн.1. С. 565.
30. Шахматов М.В. Государство правды. Опыт по истории государственных идеалов в России // Шахматов М.В. Государство правды. М.: ФонДИВ, 2008. С. 28–29 (Впервые опубликовано: Евразийский временник. 1925. Кн. 4).
31. BAR. GVP. V. 162. Subject Files.
32. Шахматов М.В. Владимир Мономах как идея // Зап. РИО. Кн. I. Прага, 1927.
33. Miakotin V. Les pays russes, des origines à la fin des invasions tatares // P. Milioukov, Ch. Seignobos, L. Eisenmann. Histoire de Russie. V. 1. Paris, 1932. P. 88.
34. Мякотин В.А. Очерки социальной истории Украины в XVII–XVIII вв. Т. 1. Вып. 1–3. Прага, 1924–1926.
35. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1993. С. 420–426. (Первое издание книги – Париж, 1936.)
36. Alexandre Eck. Le Moyen age Russe. Préface de Henri Pirenne. Institut de philologie et d'Histoire orientales de l'universite libre de Bruxelles. Paris : Maison du livre Entranger, 1933.
37. Одинец Д.М. Княжое и земское право Древней Руси // Труды IV съезда Русских академических организаций за границей. Белград, 1929. Ч. I. С. 287.
38. Одинец Д.М. Происхождение государственного строя у восточных славян. Париж: Издание «Современные записки», 1935.
39. Соловьев А.В. Национальное сознание в русском прошлом // Pax Rossica... С. 274 (впервые опубликовано: Русская культура. Белград, 1925).
40. Соловьев А.В. Великая, Малая и Белая Русь // Вопросы истории. № 7. 1947. С. 24–25.
41. Русь и южные славяне. Сб. ст. к 100-летию со дня рождения В.А. Мошина (1894–1987). СПб.: Алетейя; Герменевт, 1998.
42. Мошин В.А. Русь и Хазария при Святославе // Pax Rossica... С. 366. (Впервые опубликовано: Seminarium Kondakovianum. VI. Praha, 1933).
43. Мошин В.А. Начало Руси. Норманны в Восточной Европе // Byzantinoslavica. III/1, Praha, 1931.
44. Соловьев А.В. А.Л. Погодин // Краткие сообщения ин-та славяноведения АН СССР. Вып. 23. М., 1958. С. 57–59.
45. Погодин А.Л. Варяжский период в жизни князя Владимира // Владимирский сборник. Белград, 1938, С. 19–20.
46. Погодин А.Л. Славяно-финские древности // Сборник Русского археологического общества. Белград, 1940. С. 3–4.
47. Погодин А.Л. Варяги и Русь // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1934. Вып. 7. С. 111.
48. M. De Taube. Rome et la Russie avant l'invasion des tatares. Paris, 1947.
49. Таубе М.А. Рим и Русь в домонгольский период. X–XIII вв. Майнц, 1927.
50. Тарановский Ф.В. Государственная культура России // Pax Rossica... С. 189 (впервые опубликовано: Русская культура. Белград, 1925).
51. Taranovskij Th. Contribution à l'histoire des institution politiques de la Russie // Le Monde Slave. Т. 2. № 4. Paris, 1929. P. 92, 94–96.
52. Taranovski Th. Historia prawa rosyjskiego. Cz. 1. Lwow, 1928.
53. Тарановский Ф.В. Отзыв о сочинении В.И. Сергеевича «Древности русского права». Т. 1. 1909 г.; Т. 2. 1908 г. (Изд. 3-е). Юрьев, 1911. С. 7, 12–14, 22–24 и др.
54. Тарановский Ф.В. Феодализм в России. Варшава, 1902.
55. Тарановский Т. Увод у историју словенских права. Београд, 1933. С. 101–110.
56. Брачев В.С., Дворниченко А.Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004). СПб., 2004. С. 61–62.
57. Шмурло Е.Ф. История России 862–1917. М., 1997 (первое издание – Мюнхен, 1922).

¹ Об этой книге см.: Скифский роман. М.: РОССПЭН, 1997. С. 129–130. Хотя в данной публикации раздел книги о Киевской Руси не получил отражения.

58. Шмурло Е.Ф. Курс русской истории. Возникновение и образование Русского государства. СПб.: Алетейя, 1999.
59. Smurlo E. Storia della Russia. 3 vol. Rome, 1928–1930.
60. Черрони Умберто. Изучение истории СССР в Италии // История СССР. 1961. № 1, январь-февраль. С. 193.
61. Шушарин В.П. Современная буржуазная историография Древней Руси. М.: Наука, 1964. С. 216.
62. Дорошенко Д. Нарис історії України. Т. I. (До половини XVII століття). Варшава, 1932. С. 38, 69–70. См. репринт: Дорошенко Д. Нарис історії України. Т. I. К.: Глобус, 1991.
63. Велика Історія України від найдавніших часів. Т. I. Зі вступом І. Крип'якевича. Зладив М. Голубець. К.: Глобус, 1993. С. 241. Вперше издано во Львові в 1935 г.
64. Яковлів А. Українське право. Історичний нарис// Українська культура. Лекції за редакцією Дмитра Антоновича. К.: Либідь, 1993. С. 223. Лекції, прочитанні видними українськими ученими-емігрантами для студентів в Подебрадах (Чехолословакия). Вперше издано там же в 1940 г.
65. Крип'якевич І.П. Історія України. Львів: Світ, 1990. С. 12, 43.
66. Чубатий М. Історія джерел українського права. Т.1. Львів, 1921. С. 47–48, 89.
67. Chubatyj Mykola. Огляд історії українського права; історія джерел та державного права // Записки за викладами на тайнім українським університеті у Львові в рр. 1920–1923. 3 вид. Ч. 1. Мюнхен, 1947.
68. Терлецький О. Історія української держави. Т.1. Княжа доба. Львів, 1923. С. 82.
69. Томашівській С. Українська історія. Старинні і середні віки. Львів: «Вчора і нині», 1919. С. 41–44. Переиздание этой книги: Томашівській С. Історія України. Мюнхен, 1948.
70. Полонська-Василенко Н. Історія України: У 2 т. Мюнхен, 1972–1976.
71. Полонська-Василенко Н. Історія України. Т.1. До середини XVII ст. Київ: Либідь, 1993 (репринт). С. 93–95, 113.
72. Дубнов С.М. Учебник еврейской истории для школы и самообразования. Ч. III. Средние века и Новое время в Европе. 4-е изд, испр. СПб., 1911. С. 14–15.
73. Бруцкус Ю.Д. Письмо хазарского еврея от X века. Новые материалы по истории Южной России времен Игоря. Берлин, 1924. С. 18–20.
74. Brutzkus J. The Khazar origin of ancient Kiev // The Slavonic and East European Review. L., 1944. Vol. 23. № 58. P. 108–124.
75. Барац Г.М. Собрание трудов по вопросу о еврейском элементе в памятниках древнерусской письменности. Т. 1. Отд. 1. Париж, 1926. Т. 2 (О составителях «Повести временных лет» и ее источниках, преимущественно еврейских). Берлин, 1924.
76. Kaplan F.J. The decline of The Khazars and the rise of the Varangians // The American Slavic and East European Review. 1954. Vol. 13. No. 1. P. 2–7.
77. Болховитинов Н.П. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М.: РОССПЭН, 2005. С. 13–14.

References

- Kradin N.N. Politicheskaja antropologija. Uchebnoe posobie (Political Anthropology. Textbook), M.: Nauchno-izdatel'skij centr «Ladimir», 2001, p. 211.
- Dvornichenko A.Ju. «Gosudarstvo Kievskaja Rus'» kak istoriograficheskij fenomen ("Kievan Rus' State" as a historiographic phenomenon), *Rannie formy politicheskikh system*, SPb.: MAJe RAN, 2012, pp. 235–278.
- Dvornichenko A.Ju. A.E. Presnjakov – issledovatel' Kievskoj Rusi (Presnjakov – researcher of Kievan Rus'), *Issledovanija po istorii srednevekovoj Rusi, K 80-letiju Jurija Georgievicha Aleksejeva*, Al'jans; Arheo; M.; SPb., 2006, pp. 35–46.
- Dvornichenko A.Ju. Predstaviteli «oficial'noj» istoriografii o politogeneze v Kievskoj Rusi (Representatives of "official" historiography about the political genesis in Kievan Rus'), *Istorija Rossii: jekonomika, politika, chelovek: K 80-letiju doktora istoricheskikh nauk, professora, akademika RAN Borisa Vasil'evicha Anan'icha*, SPb., 2011, pp. 29–38.
- Pashuto V.T. Russkie istoriki jemigranty v Evrope (Russian historians-emigrants in Europe), M.: Nauka, 1991, pp. 104–113.
- Pax Rossica. Russkaja gosudarstvennost' v trudah istorikov zarubezh'ja (Pax Rossica. Russian statehood in the works of the historians of expatriate community), Avt.-sost. E.A. Bondareva, M.: Veche, 2012, pp. 81–166.
- Bondareva E.A. «Pax Rossica», ili Konceptcija russkoj istorii v rabotah uchenyh belgradskogo kruga («Pax Rossica» or concept of Russian history in the forks of researchers of Belgrade circle), *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshhestva*, T. 11 (159): Pravda istorii, M.: Russkaja panorama, ANO «Russkoe istoricheskoe obshhestvo», 2011, pp. 325–341.
- Puzanov V.V. Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstv v vostochnoevropeskoj istorio-grafii: uchebnoe posobie (Genesis of Ancient Russian state in East European historiography: textbook), Izhevsk: Udmurtskij universitet, 2012, pp. 97–99.
- Malinovskij Ioannikij Alekseevich, *Professora Tomskogo universiteta. Biograficheskij slovar'*, Vyp. I (1888–1917), Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1996, pp. 161–165.
- Malinovskij O. Starodanij derzhavnij lad shidnih slov'jan i jgo piznishi zmini. Narisi z istorii prava (Ancient political system of the Eastern Slavs and its later change. Essays on the history of law), K.: Z drukarni Vseukraїns'koj Akademii Nauk, 1929, pp. 32–35.
- Frojanov I.Ja. Kievskaja Rus', Ocherki social'no-politicheskoi istorii (Kievan Rus' Essays of social and political history), L.: Izd-vo Le-ningr. un-ta, 1980.
- Frojanov I.Ja., Dvornichenko A.Ju. Goroda-gosudarstva Drevnej Rusi (Town-states of Ancient Rus'), L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1988.
- Pushkarev S.G. Vospominanija istorika, 1905–1945 (Memoirs of historian, 1905–1945), M.: Posev, 1999, p. 89.
- Raev M. Rossija za rubezhom: istorija kul'tury russkoj jemigracii, 1919–1939 (Russia abroad: history of culture of Russian emigrants, M.: Pro-gress-Akademija, 1994, p. 215.
- Vandalkovskaja M.G. Istoricheskaja nauka: «evrazijskij soblazn» (Historical studies: "Eurasian temptation"), M.: Pamjatniki isto-richejskoj mysli, 1997, p. 115.
- Dvornichenko A.Ju. Evrazijscy, L.N. Gumilev i problema drevnerusskogo gosudarstva (Eurasians, L.N. Gumilev and the problem of Ancient Russian State), *Vestnik S.-Peterburgskogo universiteta, Spec. vypusk: K 100-letiju so dnja rozhdenija L.N. Gumileva*, 2012, Oktjabr', pp. 108–119.
- Vernadskij G. Nachertanie russkoj istorii (Pattern of Russian History), M.: Algoritm, 2008 (first edition – Praga, 1927).
- Vernadsky G. A History of Russia. The Blakiston Company. Philadelphia, 1944. First American edition – 1929. Published in Russian in 1997 based on the 6th edition of 1969).
- Vernadskij G.V. Opyt istorii Evrazii. Zven'ja russkoj kul'tury (Experience of Eurasian history, elements of Russian culture), M., 2005. First published in 1934.
- Rostovtzeff M.I. Les origines de la Russie Kievienne, *Revue des études slaves*. T. 2. Paris. 1922. P. 5–18.
- Rostovtzeff M.I. The Origin of the Russian State on the Dnieper, *Annual Report of the American Historical Association for the year 1920*. Washington, 1925.
- Rostovtzeff M.I. Proishozhdenie Kievskoj Rusi (Origin of Kievan Rus'), *Sovremennye zapiski*, T.3, Parizh, 1922, pp. 142–144.
- Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, Clarendon Press, 1922.
- Presnjakov A.E. Review [Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, Clarendon Press, 1922], «Veka». *Istoricheskij sb.* I, Pg.: Nauka i Shkola, 1924, p. 177.
- Anan'ev O.V. Petr Bergardovich Struve: zhizn', bor'ba, tvorcestvo (Petr Bergardovich Struve: life, struggle, oeuvre, SPb., 2006.
- Struve P.B. Social'naja i jekonomicheskaja istorija Rossii s drevnejshih vremen do na-shego, v svjazi s razvitiem russkoj kul'tury i rostom rossijskoj gosudarstvennosti (Social and economic history of Russia from the ancient times till nowadays, taking into consideration the development of Russian culture and rise of Russian statehood), Paris, 1952.
- Struve P.B. Nabljudenija i issledovanija iz oblasti hozjajstvennoj zhizni i prava Drevnej Rusi. I. Sushhestvoval li v drevnej Rusi feodal'nyj pravoporjadok (Observations and research in the field of economic life and law of Ancient Rus', I. Did the feudal public order exist in Ancient Rus'), *Sbornik Russkogo instituta v Prage*, Praga, 1929, Vyp.1, p. 399.

28. Struve P.B. Chem byli pervonachal'no russkie krest'jane i otkuda naimenovanie krest'janina? (What were the initial Russian peasants and where did the name "krestjanin" come from), *Trudy 4-go s'ezda russkikh akademicheskikh organizacij za granicej*, Ch. 1, Belgrad, 1929, p. 134.
29. Shahmatov M.V. Opyty po istorii drevnerusskikh politicheskikh idej. Nachalo sobornosti (Experiments on history of ancient Russian political ideas. The beginning of collegiality), Praga, 1927 (gektografirovanoe izdanie), T. I, Kn.1, p. 565.
30. Shahmatov M.V. Gosudarstvo pravdy. Opyt po istorii gosudarstvennykh idealov v Rossii (State of truth. Experiment on history of state ideals in Russia), Shahmatov M.V. Gosudarstvo pravdy, M.: FondIV, 2008, pp. 28–29 (First published in: *EvrAzijskij vremennik*, 1925, Kn. 4).
31. BAR, GVP, B. 162, Subject Files.
32. Shahmatov M.V. Vladimir Monomah kak ideja (Vladimir Monomah as an idea), *Zap. RIO*. Kn. I, Praga, 1927.
33. Miakotin V. Les pays russes, des origines à la fin des invasions tatares, P. Milliukov, Ch. Seignobos, L. Eisenmann. *Histoire de Russie*. V. 1. Paris, 1932. P. 88.
34. Mjakotin V.A. Ocherki social'noj istorii Ukrainy v XVII–XVIII vv. (Essays of social history of Ukraine in 17–18 centuries), T. 1, Vyp. 1–3, Praga, 1924–1926.
35. Miljukov P.N. Ocherki po istorii russkoj kul'tury (Essays of history of Russian culture), V. 3 t. T. 1, M.: Progress, 1993. pp. 420–426. (First edition – Paris, 1936.)
36. Alexandre Eck. Le Moyen age Russe. Préface de Henri Pirenne. Institut de philologie et d'Histoire orientales de l'universite libre de Bruxelles. Paris : Maison du livre Entranger, 1933.
37. Odinec D.M. Knjazhoe i zemskoe pravo Drevnej Rusi ("Kyazhoe" and "zemskoe" law in Ancient Rus'), *Trudy IV s'ezda Russkikh akademicheskikh organizacij za granicej*, Belgrad, 1929, Ch. I, p. 287.
38. Odinec D.M. Proishozhdenie gosudarstvennogo stroja u vostochnyh slavjan (Origins of state political system of Eastern Slavs), Parizh: Izdanie «Sovremennye zapiski», 1935.
39. Solov'ev A.V. Nacional'noe soznanie v russkom proshlom (National consciousness in the Russian past, *Pax Rossica...* p. 274 (first published: *Russkaja kul'tura*, Belgrad, 1925).
40. Solov'ev A.V. Velikaja, Malaja i Belaja Rus' (Great, Little and White Rus', *Voprosy istorii*, No. 7, 1947, pp. 24–25.
41. Rus' i juzhnye slavjane (Rus' and Southern Slavs). Sb. st. k 100-letiju so dnja rozhdenija V.A. Moshina (1894–1987), SPb.: Aletejja; Gernemevt, 1998.
42. Moshin V.A. Rus' i Hazarija pri Svyatoslave (Rus' and Khazaria during Svyatoslav), *Pax Rossica...* p. 366. (First published: *Seminarium Kondakovianum*, VI, Praha, 1933).
43. Moshin V.A. Nachalo Rusi. Normanny v Vostochnoj Evrope (The beinning of Rus'), *Byzantinoslavica*, III/1, Praha, 1931.
44. Solov'ev A.V. A.L. Pogodin, *Kratkie soobshhenija in-ta slavjanovedenija AN SSSR*, Vyp. 23, M., 1958, pp. 57–59.
45. Pogodin A.L. Varjzhskij period v zhizni knjazja Vladimira (Varangian period of Knyaz' Vladimir's life), *Vladimirskij sbornik*, Belgrad, 1938, pp. 19–20.
46. Pogodin A.L. Slavjano-finskie drevnosti (Slavonic-Finnish antiquities), *Sbornik Russkogo arheologicheskogo obshhestva*, Belgrad, 1940, pp. 3–4.
47. Pogodin A.L. Varjagi i Rus' (Varangians and Rus'), *Zapiski Russkogo nauchnogo instituta v Belgrade*, Belgrad, 1934, Vyp. 7, p. 111.
48. M. De Taube. Rome et la Russie avant l'invasion des tatars. Paris, 1947.
49. Taube M.A. Rim i Rus' v domongol'skij period. X–XIII vv. (The Rome in pre-Mongol period. 10-13 centuries), Majnc, 1927.
50. Taranovskij F.V. Gosudarstvennaja kul'tura Rossii (State culture of Russia), *Pax Rossica...* p. 189 (first published: *Russkaja kul'tura*, Belgrad, 1925).
51. Taranovskij Th. Contribution à l'histoire des institution politiques de la Russie // *Le Monde Slave*. T. 2. № 4. Paris, 1929. R. 92, 94–96.
52. Taranovski Th. Historia prava rosyjskiego (History of Russian law), Cz. 1, Lwow, 1928.
53. Taranovskij F.V. Otzyv o sochinenii V.I. Sergeevicha «Drevnosti russkogo prava» (Review of work by V.I. Sergeevich), T. 1, 1909; T. 2, 1908. (Izd. 3-e)J, Jur'ev, 1911, pp. 7, 12–14, 22–24 and other.
54. Taranovskij F.V. Feodalizm v Rossii (Feudalism in Russia), Varshava, 1902.
55. Taranovskij T. Uvod u istoriju slovenskikh prava (Introduction to history of Slavonic law), Beograd, 1933, pp. 101–110.
56. Brachev V.S., Vdornichenko A.Ju. Kafedra russkoj istorii Sankt-Peterburgskogo universiteta (1834–2004) (Department of Russian history of Saint-Petersburg University (1834–2004), SPb., 2004, pp. 61–62.
57. Shmurlo E.F. Istorija Rossii 862–1917 (Russian history of 862–1917), M., 1997 (first edition – Munich, 1922).
58. Shmurlo E.F. Kurs russkoj istorii. Voznikovenie i obrazovanie Russkogo gosudarstva (Course of Russian history. Genesis and development of Russian state), SPb.: Aletejja, 1999.
59. Smurlo E. Storia della Russia. 3 vol. Rome, 1928–1930.
60. Cherroni Umberto. Izuchenie istorii SSSR v Italii (Studies of the USSR history in Italy), *Istorija SSSR*, 1961, No. 1, janvar'fevral', p. 193.
61. Shusharin V.P. Sovremennaja burzhuznaja istoriografija Drevnej Rusi (Contemporary bourgeois historiography of Ancient Rus'), M.: Nauka, 1964, p. 216.
62. Doroshenko D. Naris istorii Ukraini, T. I, (Do polovini XVII stolittja), Varshava, 1932, p. 38, 69–70. Sm. reprint: Doroshenko D. Naris istorii Ukraini, T. I, K.: Globus, 1991.
63. Velika Istorija Ukraini vid najdavnishih chasiv, T. I, Zi vstupom I, Kripjakevicha, Zladiiv M. Golubec', K.: Globus, 1993, p. 241. First published in Lviv in 1935.
64. Jakovliv A. Ukraïns'ke pravo. Istorichnij naris (Ukrainian law. Historical essay), *Ukraïns'ka kul'tura. Lekcii za redakcieju Dmitra Antonoviča*, K.: Libid', 1993, p. 223. Lectures, read by prominent Ukrainian researchersemigrants for students in Podebrade (Chehoslovakija). First published at the same place in 1940.
65. Kripjakevich I.P. Istorija Ukraini (History of Ukraine), L'viv: Svit, 1990, pp. 12, 43.
66. Chubatij M. Istorija dzherel ukraïns'kogo prava, T.1, L'viv, 1921, pp. 47–48, 89.
67. Chubatij Mukola. Ogljad istorii ukraïns'kogo prava; istorija dzherel ta derzhavnogo prava, *Zapiski za vikladami na tajnim ukraïns'kim universiteti u L'vovi v rr. 1920–1923*, 3 vid., Ch. 1, Mjunhen, 1947.
68. Terlec'kij O. Istorija ukraïns'koï derzhavi (History of Ukrainian state), T.1, Knjazha doba, L'viv, 1923, p. 82.
69. Tomashivs'kij S. Ukraïns'ka istorija. Starinni i serednii viki (Ukrainian history. Ancient and Medieval times), L'viv: «Vchora i nini», 1919, pp. 41–44. Re-published from this book: Tomashivs'kij S. Istorija Ukraini (History of Ukraine), Mjunhen, 1948.
70. Polon'ska-Vasilenko N. Istorija Ukraini (History of Ukraine), U 2 t., Mjunhen, 1972–1976.
71. Polons'ka-Vasilenko N. Istorija Ukraini (History of Ukraine), T.1, Do seredini XVII st., K: Libid', 1993 (reprint), pp. 93–95, 113.
72. Dubnov S.M. Uchebnik evrejskoj istorii dlja shkoly i samoobrazovanija (Textbook of Jewish history for school and self-education), Ch. III, Srednie veka i Novoe vremja v Evrope, 4-e izd, ispr, SPb., 1911, pp. 14–15.
73. Bruckus Ju.D. Pis'mo hazarskogo evreja ot X veka. Novye materialy po istorii Juzhnoj Rossii vremen Igorja (Letter of khazarian jew of 10 century. New materials on history of Southern Russia of Igor' times), Berlin, 1924, pp. 18–20.
74. Brutzkus J. The Khazar origin of ancient Kiev, *The Slavonic and East European Review*, L., 1944, Vol. 23, No. 58, pp. 108–124.
75. Barac G.M. Sobranie trudov po voprosu o evrejskom jelemente v pamjatnikah drevnerusskoj pis'mennosti (Collection of articles on the question of Jewish element in monuments of Ancient Russian literature), T. 1, Otd. 1, Parizh, 1926, T. 2 (O sostaviteljah «Povesti vremennyh let» i ee istochnikah, preimushhestvenno evrejskikh), Berlin, 1924.
76. Kaplan F.J. The decline of The Khazars and the rise of the Varangians, *The American Slavic and East Euroean Review*, 1954, Vol. 13, 1. pp. 2–7.
77. Bolhovitinov N.P. Russkie uchenye-jemigranty (G.V. Vernadskij, M.M. Karpovich, M.T. Florinskij) i stanovlenie rusistiki v SShA (Russian researchers-emigrants (G.V. Vernadskij, M.M. Karpovich, M.T. Florinskij) and establishment of Russian studies in the USA), M.: ROSSPJeN, 2005, pp. 13–14. Историографическим сюжетам посвящены отдельные главы в приложении.